Илья Мурович и Калин-царь (6)

Што из далеча да из чиста́ поля,
Из того роздолья широкого,
Тут не грузна туча подымаласе,
Тут не оболоко накаталосе,
Тут не оболоко обкаталосе, —
Подымался собака-злодей Ка́лин-царь,
За ним сорок царей, сорок царевичей,
За ним сорок королей, королевичей,
За ним силы мелкой числу-смету нет,
Как по-руському на сороки́ верстах.
Тут и Киев-град знаменуетсе,
А и церькви соборны оказаютсе,
Становил собака тут бел шатер.
У его шатра золоченой верх.
Он садился на стул на ременьчатой,
А писал ерлык, скоро написывал,
Он скорей того запечатывал.
Отдает послу немилосливу
А-й тому Борису-королевичу:
— Уж ты ой еси, Борис, королевич сын!
Уж ты будешь в городи в Киеви
У великого князя Владимера, —
Не давай ты строку на малой час.

Ишшо тут Борис, королевич сын,
Он берет ерлык, во корман кладет,
Он ведь скоро скачёт на добра коня.
Он ведь едёт к городу Киеву,
Ко великому князю, ко Владимеру.
Становил коня к дубову́ столбу,
Он вязал коня к золоту́ кольцю,
Он в гридню идет не с упадками, —
Отпираёт двери он на́ пяту;
Он в гридню идет,— богу не молитсе;
Через стол скочил, сам во место сел.

Он вымат ерлык, на стол кладет,
Ишша сам говорит таково слово:
— Ты Владимёр, князь стольне-киевьской!
Ты бери ерлык, роспечатывай,
Ты скоре того прочитывай;
Ты меня, посла, не задерживай.
Как Владимёр, князь стольне-киевьской,
Он берет ерлык во свои́ руки́,
Отдает Добрынюшки Микитичу.
Говорил Добрынюшка Микитич сын:
— Я не знаю грамоты латыньскоё.
Ты отдай Олеши Поповичу.
Отдают Олеши Поповичу.
(*У того было мозгу в головы, дак...*).
Как Алешичка и Поповиць сын
Он ведь скоро ерлык роспечатывал,
Он скорее того же прочитывал,
Говорил как он таково слово:
— Ты Владимёр, князь стольне-киевьской!
Хорошо в ерлычки написано
А написано со угрозою,
А су той угрозой великою:
Как стоит собака-царь середи поля;
За им сорок царей, сорок царевичей,
За им сорок королей, королевичей,
За им силы мелкой числу-смету нет,
Как по-руському на сороки́ верстах.
Он ведь просит города Киева
Без бою, без драки, без се́ченья
(*Как нынешний ерманец*),
Без того кроволитья великого.
Запечалился наш Владимер-князь.
Запечалился-закручинился:
Он повесил буйную голову
Што на ту на правую сторону,
Потупил он очи в мать сыру землю́.
Как во ту пору, во то времечко
Выходил как стар казак Илья Мурович,
Говорил как он таково слово:

— Ты Владимёр стольне-киевьской!
Ты бери свои золоты ключи,
Отмыкай-ко погребы глубоки жа;
Ты насыпь ларец чисту золота,
Ты второй насыпь чиста се́ребра,
Ты трете́й ларец скатна земчуга;
Ты дари-ко Бориса-королевича,
Ты проси-ко строку на три месяця,
Штобы всем во городи покаятьсе,
Нам покаятьсе да исповедатьсе.
Ишша тут жа как Владимёр-князь
Он берет свои золоты ключи,
Отмыкаё погребы глубоки жа;
Он насыпал ларец чисту золота,
Он второй насыпал чиста се́ребра,
Он трете́й насыпал скатна земчуга,
Он дарит Бориса-королевича,
А просил ведь строку на три месяця,
Штобы всем во городи покаятьсе,
Нам покаятьсе да исповедатьсе.
Ишша тут Борис, королевич сын,
Не дает ведь строку на три месяця.
Он дает ведь строку только на три дня.
(*Всё ж-таки дал!*).
Спровожали Бориса-королевича,
Спровожали кнезья и бо́яра;
А во ту пору, во то времечко
Запечалился наш Владимёр-князь.
Запечалился-закручинился,
Он повесил буйную голову
Што на ту на праву сторону,
Потупил он очи в мать сыру землю́.
Как во ту пору, во то времечко
Выходил как стар казак Илья Мурович,
Выходил на середу кирпичнею;
Он ведь молитсе спасу пречистому,
Он ведь божьёй матери, богородице,
Он пошел Илья на конюшон двор,
Он берет своёго добра́ коня,

Он накладыват уздицу тасмянную.
Он вуздат во уздилиця булатные,
Он накладывал тут ведь войлучёк.
Он на войлучёк седелышко,
Подпрягал двенадцать подпруженёк,
А ишша две подпружки подпрягаюци
Он не ради басы, ради крепости,
А не сшиб бы бога́тыря доброй конь,
А не сшиб бы бога́тыря в чисто́м поли.
Он ведь скоро скачёт на добра коня,
У ворот приворотников не спрашивал,
А махал через стену городо́вую,
А и ехал он день до вечера,
А и темну ночь до бела́ свету.
Приезжает он ко меньшой реки,
Ко меньшо́й реки, ко синю́ морю;
Он нашел тут тридцать три бога́тыря.
Он с добра́ коня слезываючи,
Он низко́й поклон им воздаваючи:
— Уж вы здрастуйте, до́ньски ка́заки!
— Уж ты здрасвуёшь, наш ведь батюшко,
Уж ты стар казак да Илья Мурович!
Ты давно ли из города Киева?
А и всё ли у нас там по-старому,
А и всё ли у нас там по-прежнему?
Говорит как тут да Илья Мурович:
— Уж вы ой еси, до́ньски ка́заки!
И во городи у нас, во Киеви
Не по-старому, не по-прежнему;
Как стоит царь-собака середи поля,
За им сорок царей, сорок царевичей,
За им сорок королей, королевичей,
За им силы мелкой числу-сметы нет,
Как по-руському на сороки́ верстах.
Он ведь просит города Киева
Без бою, без драки, без се́ченья,
Без того кровопролитья великого.
Говорил как тут да Илья Мурович:
— Уж вы ой еси, до́ньски ка́заки!

Уж вы будете стоять ле за Киёв-град,
Вы за те церькви соборные,
Вы за те мона́стыри церьковные,
За того за князя за Владимера?
Говорят как тут до́ньски ка́заки:
— Уж ты батюшко наш, стар казак!
Ишша как не стоять нам за Киёв-град,
Нам за те за церькви соборные,
Нам за те мона́стыри церьковные,
За того за князя за Владимера?
Они скоро скачут на добры́х коней
И поехали к городу к Киеву,
Ко великому князю ко Владимеру.
И поехало тридцеть три бога́тыря, —
Затряслась матушка сыра земля.
Они будут в городи в Киеви,
У великого князя у Владимера.
Зрадовался тут Владимер-от,
Он на радошшах им и пир срядил,
Он и пир срядил, пировати стал.
Ишше все на пиру напивалисе,
Они все на чесном наедалисе.
Как один на пиру не упиваитсе
А и стар казак да Илья Мурович;
Ишша сам говорил таково слово:
— Уж вы ей еси, до́ньски ка́заки!
Нынь приходит времечко строчнеё.
А кому у нас нынче ехати
На ту ли силу неверную?
Говорят как до́ньски ка́заки:
— Уж ты батюшко наш, стар казак!
Ты останьсе в Киеви в городе
Стерегчи-сберегчи кнезя́ Владимира!
Говорил как тут да Илья Мурович:
— Тут не честь-хвала молодецкая,
Ой не выслуга богатырская
Как Илейки в Киеви остатисе.
Будут малы робята все смеятисе.
Ишша тут Илья поезжаёт жа

А на ту силу неверную.
Он берет с собою только товаришша,
Он берет Добрынюшку Микитича;
И берет ведь второго товаришша,
Он Тороп-слугу да мала па́руха;
Он троима тут поезжаёт ведь
Он на ту на силу неверную.
А выходят на середу кирпичнею
Они молятся спасу пречистому,
Они божьей матери, богородици;
Они скоро скачут на добрых коней,
У ворот приворотников не спрашивали, —
Они машут через стену городовую.
Они едут как по чисту полю, —
Во чистом поли курева стоят,
В куревы богатырей не видети.
Выезжают на поле чистое
А на ту силу неверную.
Ишша тут два братця испужалисе,
Испужалисе-устрашилисе
Они той ведь силы неверною;
Говорят они таково слово:
— Уж ты батюшко наш, стар казак!
Ты поставь этта нам бел шатер.
Дай ты нам опочи́н дёржать;
Как поставил Илья тут им бел шатер.
Ишша дал ведь им опочи́н дёржать.
Сам он тут им ведь наказывал,
А наказывал, наговаривал:
— Ой еси, вы два братця родимые!
Уж вы ой еси, до́ньски ка́заки!
Как Елейки худо будё можитьсе, —
Натяну я стрелочку каленую,
Я спушшу этта вам во бел шатер;
Уж вы гоните тогды во всю голову,
Вы рубите старого и малого.
Ишша сам Илья думу думаёт:
Он не знает, котору да ехати;
Он поехал силой середкою;

Поворотитсе, — дак переулками!
Он ведь день рубился до вечера,
Он и темну ночь до бела́ свету,
Не пиваючи, не едаючи,
А добру коню отдо́ху не даваючи.
Как Илейки стало худо можитьсе, —
Натянул он стрелочку каленую,
Он спустил богатырям во бел шатер,
Ишша тут бога́тыри ото сну скочили,
Они скоро скачут на добрых коней,
Они гонят тут во всю голову,
Они рубят старого и малого.
Они день рубились до вечера,
Они темну ночь до бела́ свету,
Не пиваючи, не едаючи,
А добрым коням отдо́ху не даваючи;
А прибили всех до единого.
Ишша тут два братця не натешились,
Не натешились, приросхвастались.
А один говорил таково слово:
— А было б в матушки, в сырой земли,
А было бы в ей золото кольцё, —
Поворотил бы матушку сыру́ землю́.
А другой говорил таково слово:
А была бы на небо листвиця,
Я прибил бы там до единого.
По грехам по их так ведь сделалось:
А которой сечен был на́двое,
А восстало тут два тотарина;
А которой сечен был на́трое,
И восстало тут три тотарина.
Говорит как тут да Илья Мурович:
— Уж вы гой еси, два братёлка!
По грехам по нашим так сделалось.
Они поехали силой середкой;
Поворотятсе, — дак переулками!
Они бились день да до вечера,
Они те́мну ночь до бела́ свету,
Не пиваючи, не едаючи,

А добрым коням отдо́ху не даваючи;
И прибили всех до единого.
Ишшо тут два братця где девалисе,
Я не знай, куда подевалисе
(За похвасны слова скрозь землю прошли),
А один Илья оставаитсе.
Он поехал к городу ко Киеву,
Ко великому князю ко Владимеру.
(Дальше не поетця, а говоритця...
Дедушко так...).
Становил коня к дубову столбу,
Он вязал коня к золоту кольцю,
Он в гридню идет не с упадками, —
Отпираё двери он на́ пяту;
Он ведь молитсе спасу пречистому,
Он ведь божьей матери, богородици,
Он Владимеру-князю покланяитсе:
— Ты Владимёр-князь стольне-киевьской!
Ишша то ведь дело у нас сделано,
Ишша та роботушка сроблена.
Только не знать, где два братця девалисе,
И не знать, куда потерялисе.
Как перва они да испужалисе,
А потом они не натешились,
Не натешились, приросхвастались,
А один говорил таково слово:
«А было бы в матушки в сырой земли,
А было бы в ей золото кольцё, —
Поворотил бы матушку сыру́ землю́,
Я прибил бы там до единого».
А другой говорил таково слово:
«А была бы на небо листвиця,
Я прибил бы там до единого».
По грехам по нашим так сделалось:
А которой сечен был на́двое,
А восстало тут два тотарина;
А которой сечен был на́трое,
А восстало тут три тотарина.
Говорит как тут Владимёр-князь:

— Ишша нет как их, — дак не искать же стать.
Он на радошшах тут и пир срядил,
Он и пир срядил, пировати стал.

(Записано в 1915 году О. Э. Озаровской от пинежской сказительницы Марии Дмитриевны Кривополеновой, 82 лет.)

О. Э. Озаровская. Бабушкины старины. Изд. 2-е, М., 1922.